

ВВЕДЕНИЕ

На протяжении трех столетий, со времени своего основания в 1703 г., Санкт-Петербург не перестает завораживать, и с первого же взгляда нетрудно понять почему. Этот сравнительно молодой город, основанный только в начале XVIII в., стремительно вырос и превратился в прославленную столицу одной из великих держав Европы, и некоторые особенности этого процесса помогают объяснить непреходящую привлекательность Санкт-Петербурга. Его часто называют российским «окном в Европу» — эти слова Франческо Альгаротти, побывавшего здесь в 1730-х гг., четко обрисовывают положение города в географическом и культурном отношении¹. Мифы, связанные с созданием и развитием города, по сей день привлекают большой интерес². Один популярный пример — это миф о его основании, который встречается во многих литературных произведениях о Петербурге; Петр в нем предстает создателем нового города в дикой пустыне. Однако в этой картине не учитываются два обстоятельства: то, что в мае 1703 г. Петра, возможно, не было при этом судьбоносном событии, и то, что на предполагаемом пустынном месте основания Петербурга находилась шведская крепость Ниеншанц, а также еще ряд мелких поселений, в первую

---

¹ *Algarotti F. Letters from Count Algarotti to Lord Hervey and the Marquis Scipio Maffei. London, 1796. Vol. 1. P. 70.*

² См., например: *Синдаловский Н.А. Легенды и мифы Санкт-Петербурга. СПб., 1994.*

очередь городок Ниен¹. Этот топоним основания Петербурга исходит от череды авторов XVIII века, начиная с петровского времени воспевавших свершения основателя города. Затем миф получил широкое хождение благодаря тому, что А.С. Пушкин включил его в знаменитую поэму «Медный всадник»².

И хотя эти образы Петербурга полны поэтического вымысла и мифов, они существенно влияли на восприятие города. В его характерной архитектуре отразились различные европейские стили; благодаря своему расположению на берегу Балтики он играл важную коммерческую и дипломатическую роль в связях России с Северной и Западной Европой. Эти контакты оказывали сущностное воздействие на Петербург в первые десятилетия после его основания. Кроме того, в XVII в. только Москва могла сравниться размерами и населенностью с другими европейскими городами, а российское общество в целом оставалось преимущественно сельским до конца XIX в. Хотя Санкт-Петербург и не был создан на пустом месте, но строительство нового города такого масштаба стало крупнейшим проектом, а потому и символом большой важности. По моему мнению, именно первая половина XVIII в. задала тон всему дальнейшему развитию Петербурга как ведущего европейского столичного города. Прежде чем познакомить читателя с общими направлениями настоящей работы, я хочу коснуться двух вопросов, которые встретились мне на начальном этапе исследования, а впоследствии помогли вписать эту книгу в научный контекст. Вопросы эти связаны с выбором периода исследования — первой половины XVIII в., а также его предмета — культурной жизни Санкт-Петербурга.

Значение Петра I, или Великого, и его царствования для России издавна служит темой дискуссий. Как в народном восприятии, так и в академической науке он по-прежнему остается в центре внимания. Живой характер и странности Петра

¹ О присутствии Петра см.: Шарымов А.М. Предыстория Санкт-Петербурга. 1703 год. Книга исследований. СПб., 2004. С. 520–541; в более общем плане см.: Кенсу С. Петербург до Петербурга: История устья Невы до основания города Петра. СПб., 2000.

² Пумпянский Л.В. Медный всадник и поэтическая традиция XVIII века. Пушкин: Временник Пушкинской комиссии. 1939. Вып. 4–5. С. 94–100.

ярко описаны в популярных сочинениях о его царствовании¹. Научный же анализ упорно посвящали результатам петровских реформ, давая позитивные или негативные оценки их последствий для дальнейшего развития России². В советское время исследователи обсуждали, главным образом, роль Петра в преобразовании России, причем культура в этом процессе считалась менее важной, чем военное дело или экономика³. Если в нескольких важных работах, особенно в конце советского периода, исследовалась цена этих «революционных» реформ — например принудительное и контролирующее начало петровской системы, — то фундаментальная парадигма исследований не изменилась сколько-нибудь существенно в сравнении с концом имперского периода (до 1917 г.)⁴. Однако за последние два десятилетия вышел целый ряд работ о петровской эпохе, которые, воздавая должное трудам предшественников, демонстрируют достоинства иного подхода к этому периоду. В частности в этих работах анализируются ранее недостаточно изученные его аспекты — влиятельные политические сети, сложные формы культурного самовыражения власти при петровском дворе и т.д.⁵ Другие недавние исследования позволяют лучше представить себе характер данного периода в контексте важных событий предшествующего XVII столетия и влияния иностранных образцов⁶.

¹ Популярный пример современной книги такого рода: *Massie R. Peter the Great: His Life and World*. New York, 1981. (Она-то впервые и познакомила меня с русским царем и его временем).

² Неудивительно, что Петр занимал важное место в споре между славянофилами и западниками в XIX в.: *Riasanovsky N. Russian Identities: a Historical Survey*. Oxford, 2005. P. 151–160.

³ Обзор советского периода изучения Петра см.: *Riasanovsky N. The Image of Peter the Great in Russian History and Thought*. Oxford, 1985. P. 234–302.

⁴ *Cracraft J. The Petrine Revolution in Russian Culture*. Cambridge, MA, 2004. P. 1–12. Такой критической работой о петровских реформах является книга: *Anisimov E.V. The Reforms of Peter the Great: Progress through Coercion in Russia* / Transl. J. Alexander. Armonk, NY, 1993 (см. на русском: *Анисимов Е.В. Время петровских реформ*. СПб., 1989).

⁵ Два образца таких исследований представляют собой работы: *Hughes L. Russia in the Age of Peter the Great*. New Haven, CT, 1998; *Bushkovitch P. Peter the Great: The Struggle for Power, 1671–1725*. Cambridge, 2001.

⁶ См., например: *Kotilaine J., Poe M. (eds.). Modernizing Muscovy: Reform and Social Change // Seventeenth-Century Russia*. London, 2005.

Еще один аспект дискуссии о значении Петра I выдвигает на передний план десятилетия между его смертью в 1725 г. и восшествием на престол Екатерины II в 1762 г. Это время между двумя «великими» царствованиями в России XVIII в. часто недооценивали из-за представления (как научного, так и общераспространенного) о слабости и неустойчивости тогдашних властителей, которых один историк незабываемо описал как «невежественных распутных женщин, полоумных германских принцев и малых детей»¹. Эта точка зрения оказалась и широко распространенной, и живучей, так что десятилетия середины XVIII в. остались сравнительно малоизученными. Но все-таки в историографии существует ряд работ об этом времени, с попытками оправдать или хотя бы лучше понять этих правителей². Недавно возникла общая тенденция заново обратиться к исследованию эпохи дворцовых переворотов с применением внушительного комплекса архивных и опубликованных материалов, чтобы проанализировать и опровергнуть некоторые мифы, такие как проблема стагнации или влияние фаворитов³. Если в ревизионистских исследованиях петровской России подчеркивается необходимость изучения масштаба и характера петровских преобразований в более широком контексте, то значение послепетровского периода выявляется при изучении последствий этих реформ, так как их эффективность и устойчивость уже можно оценивать должным образом. Учитывая размах преобразований, которым Россия подверглась в эту эпоху, и не в последнюю очередь — то бремя, которым они обернулись для населения, неудивительно, что один ведущий историк говорит о необходимости «передышки» в послепетровский период, т.е. времени, когда многочисленные

¹ Florinsky M. Russia: A History and an Interpretation. London, 1953. Vol. 1. P. 432.

² Примеры таких работ, сохраняющих ценность, см.: Lipski A. A Re-Examination of the „Dark Era“ of Anna Ioannovna // American Slavic and East European Review. Vol. 15 (1956). P. 477–488; Анисимов Е.В. Россия в середине XVIII века: борьба за наследие Петра. М., 1986 (в англ. пер.: Anisimov E.V. Empress Elisabeth: Her Reign and Her Russia, 1741–1761 / Transl. J. Alexander. Gulf Breeze, FL, 1995).

³ См., в частности: Курукин И.В. Эпоха «дворцовых бурь»: очерки политической истории послепетровской России. 1725–1762 гг. Рязань, 2003.

реформы могли прочнее укорениться и лучше приспособиться к обстановке¹.

Петербург как раз и был одним из преобразований, введенных Петром и нуждавшихся в таком периоде адаптации, пусть впоследствии он и стал самым зримым и долговечным из всех петровских начинаний. Желание Петра основать новый город зародилось в 1690-х гг., но сам Петербург — это явный пример нововведения, не имевшего никаких корней в допетровской эпохе. Кроме того, местоположение города и предназначенные ему функции, несомненно, отражают стремление Петра к прямому контакту с остальной Европой — в военном, коммерческом, культурном отношении². Поэтому возникает соблазн видеть в Петербурге физическое воплощение широкомасштабных целей царя-реформатора. И хотя реальность, разумеется, сложнее, чем предполагает этот общий подход, мысль Дж. Крэйкрафта о том, что город был заложен и строился в рамках замысла создать новый образ России внутри страны и за границей, кажется поразительной и, на мой взгляд, убедительной³. Петербург с первых десятилетий своего существования стал предметом обширной и разнообразной литературы, причем как местным жителям, так и авторам извне хотелось побольше узнать о его истории и характерных чертах, особенно с приближением одного из юбилеев, как было в 1903 и 2003 гг.⁴ Современные истории города обыкновенно повествуют о развитии Петербурга с начала имперской эпохи до советского периода и далее, рассматривая его при этом в качестве тигля политических, социальных и культурных перемен в России⁵.

¹ *Kamenskii A.B.* The Russian Empire in the Eighteenth Century: Searching for a Place in the World / Ed. and transl. D. Griffiths. Armonk, NY, 1997. P. 128–129 (см. на русском: *Каменский А.Б.* Российская империя в XVIII в.: традиции и модернизация. М., 1999).

² *Jones R.* Why St. Petersburg? // *Hughes L.* (ed.). Peter the Great and the West: New Perspectives. Basingstoke, 2001. P. 189–205.

³ *Cracraft J.* The Revolution of Peter the Great. Cambridge, MA, 2003. P. 135–156.

⁴ Об увлечении русских изучением Петербурга см.: *Johnson E.D.* How St. Petersburg Learned to Study Itself: the Russian Idea of Kraevedenie. University Park, PA, 2006.

⁵ См., например: *Lincoln W.B.* Sunlight at Midnight: St. Petersburg and the Rise of Modern Russia. Oxford, 2001.

СОДЕРЖАНИЕ

Благодарности	7
ВВЕДЕНИЕ	9
Глава 1	
Местоположение: размещение города	29
Глава 2	
Регулирование: Охрана правопорядка в городе	69
Глава 3	
Организация: двор и придворные праздники	110
Глава 4	
Взаимодействие: общественная жизнь города	167
Глава 5	
Обучение: формирование аудитории	222
Заключение	276
Сокращения	283
Библиография	285
Именной указатель	308